О вопросах оспаривания сделок должника (физического лица) в процедуре несостоятельности (банкротства): проблемы теории и правоприменения

Филиппова Анастасия Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, fipovaa@mail.ru

Егоров Никита Дмитриевич
курсант 751 учебного взвода ФПСПЭБиПК Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, nikitaegorovNIRmvd@yandex.ru

В статье исследуется институт оспаривания сделок должника в делах о банкротстве физических лиц. Анализируются проблемы соотношения общих оснований недействительности сделок и механизмов их оспаривания, предусмотренных законодательством о банкротстве. Особое внимание уделяется вопросам квалификации подозрительных сделок и сделок с предпочтением, а также проблеме доказывания недобросовестности должника. Выявляются противоречия и пробелы правоприменительной практики, возникающие при определении пределов применения общих норм гражданского права в процедурах несостоятельности. Целью исследования является выявление теоретических и практических проблем применения института оспаривания сделок должника и формулирование предложений по совершенствованию правоприменительной практики.
Ключевые слова: банкротство физических лиц, оспаривание сделок должника, недействительность сделок, злоупотребление правом, конкурсная масса, судебная практика.

Введение процедур банкротства физических лиц Федеральным законом от 29.12.2014 №476-ФЗ обусловило существенную трансформацию механизма оспаривания сделок должника и придало данному институту самостоятельное значение в системе средств защиты интересов кредиторов.

Масштабность соответствующих процедур подтверждается статистикой: по данным ЕФРСБ, в 2025 году банкротами в судебном порядке признано более 568 тыс. граждан.[74] Рост числа дел о несостоятельности сопровождается усложнением моделей вывода активов должниками, что существенно повышает значение института оспаривания сделок как механизма восстановления конкурсной массы.

Теоретический анализ института оспаривания сделок должника позволяет говорить о его двойственной правовой природе. В цивилистической доктрине отмечается, что данный механизм сочетает традиционные конструкции недействительности сделок гражданского права и специальные средства защиты интересов кредиторов, сформированные законодательством о банкротстве.

В статье на основе правового анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) и Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) (далее – закон о банкротстве), а также правоприменительной практики рассматриваются проблемы разграничения оснований недействительности сделок, доказывания недобросовестности должника и оценки подозрительных сделок. Научная новизна состоит в выявлении коллизий и пробелов между общими и специальными нормами при квалификации сделок с целью причинения вреда кредиторам.

Как отмечает профессор В.В. Витрянский: «…Ключевая сложность состоит в том, что законодатель, формулируя основания оспаривания, вынужден балансировать между двумя крайностями: необходимостью эффективно восстанавливать конкурсную массу и обязательностью обеспечивать стабильность гражданского оборота, защищая добросовестных приобретателей»[75]. Этот баланс в делах о банкротстве физических лиц достигается с трудом, что подтверждается противоречивостью судебной практики.

Для оспаривания сделок в процедуре несостоятельности, ключевое значение имеют общие положения ГК РФ о недействительности (ст.166-168), реституции (ст.167) и пределах осуществления гражданских прав (ст.10).

В делах о банкротстве принцип добросовестности (ст.10 ГК РФ) приобретает особую функциональную нагрузку. В классическом гражданском праве он выступает как общий предел осуществления субъективных прав, направленный на предотвращение злоупотребления правом. Однако в процедурах несостоятельности данный принцип трансформируется в инструмент оценки поведения должника в преддверии банкротства. В этой связи презумпция добросовестности участников гражданского оборота вступает в определенное напряжение со

[74] https://bankrot.fedresurs.ru/
[75] Витрянский В.В. «О недействительности сделок по законодательству о банкротстве» // Закон. – 2016. – № 2. – С. 84–95.

специальными презумпциями закона о банкротстве, исходящего из повышенной вероятности недобросовестных действий должника.

При этом, ГК устанавливает презумпцию добросовестности участников оборота и общие правила исчисления сроков исковой давности (ст.200), которые вступают в противоречие с нормами закона о банкротстве.

Принцип добросовестности, закрепленный в ст. 10 ГК РФ, выступает связующим элементом между общегражданскими конструкциями недействительности сделок и механизмами оспаривания, сформированными законодательством о банкротстве. Тем самым нормы ГК РФ формируют общую цивилистическую основу регулирования, на которой строится специальный механизм оспаривания сделок в банкротстве.

Процедуры несостоятельности формируют особый правовой режим распоряжения имуществом должника, в рамках которого приоритетное значение приобретает защита коллективных имущественных интересов кредиторов.

Указанные особенности правовой природы института находят отражение в системе специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных законодательством о банкротстве.

Законодательство о банкротстве формирует специальный механизм регулирования, существенно отклоняющийся от классической гражданско-правовой модели. Достижение целей процедуры обеспечивается прежде всего применением реструктуризации долгов гражданина и процедуры реализации имущества. При выявлении недобросовестного поведения должника суд вправе отказать в освобождении гражданина от дальнейшего исполнения обязательств. Законодательство о банкротстве предусматривает несколько групп сделок, подлежащих оспариванию.

1. Подозрительные сделки (ст. 61.2 ФЗ №127), представляют собой сделки, совершенные с целью умышленного причинения ущерба имущественным правам кредиторов. При этом данная правовая норма разграничивает подозрительную сделку на общую и заинтересованную. Указанная классификация отражает попытку законодателя дифференцировать различные формы недобросовестного поведения должника в преддверии банкротства. Однако на практике разграничение данных категорий нередко вызывает затруднения, поскольку одна и та же сделка может одновременно содержать признаки как подозрительной сделки, так и сделки с предпочтением.

2. Сделки с предпочтением - регулируются ст.61.3 ФЗ №127, предполагают случаи, когда лицо оказывает предпочтение в удовлетворении требований только одного из кредиторов в ущерб интересам остальных. Данные сделки являются проявлением нарушения баланса прав заинтересованных лиц и имеют ряд специфических отличий, например, согласно ст.61.3 ФЗ №127, сделки с предпочтением оспариваются, если они совершены не раннее, чем за 1 или 6 месяцев до даты принятия заявления о банкротстве (несостоятельности) к производству.

При рассмотрении вышеуказанных классификаций, обратим внимание на жесткое разграничение между «подозрительными» сделками (ст.61.2 ФЗ №127) и сделками с предпочтением (ст.61.3 ФЗ №127). Нередко в практике встречаются случаи, когда одна и та же операция имеет признаки обоих составов, что приводит к возникновению коллизий при выборе основания иска и сроков оспаривания.

3. Ничтожные сделки в конкурсном производстве - регулируются ст.61.1 ФЗ №127, подразумевают в себя распоряжение имуществом должником после возбуждения дела о банкротстве или введения в конкурсное производство.

М.В. Телюкина справедливо отмечает, что при выводе активов до начала процедуры несостоятельности, реализация имущества становится формальностью, а механизмы оспаривания - запаздывающими и сложными в доказывании. Это подтверждает, что проблема доказывания недобросовестности должника является ключевой.

Закон о банкротстве дифференцирует сроки оспаривания, которые в зависимости от близости сделки к банкротству меняют суть и условия доказывания:

1. Период подозрительности для сделок с неравноценностью составляет 1 год (п.1, ст.61.2)

2. Период для сделок с целью причинения вреда составляет 3 года (п.2, ст.61.2) Однако, необходимо доказать осведомленность о цели должника.

3. Период для сделок с предпочтением составляет 1 или 6 месяцев (ст.61.3) - презумпция недействительности – 1 месяц; - при доказывании осведомленности кредитора о неплатежеспособности должника – 6 месяцев.

Следует отметить, что указанная конструкция существенно отличается от общего механизма исковой давности, закрепленного в гражданском законодательстве. Если в соответствии со ст.200 ГК РФ течение срока исковой давности связывается с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, то в законодательстве о банкротстве сроки оспаривания привязаны к моменту возбуждения дела о несостоятельности.

Кроме того, закон о банкротстве ввел специальные презумпции. Указанные презумпции представляют собой существенное отступление от традиционной конструкции гражданско-правовой ответственности. К основным относят презумпцию цели причинения вреда (освобождение конкурсного управляющего (или кредиторов) от обязанности прямого доказывания субъективного намерения должника), презумпцию знания контрагента о цели (контрагент считается знающим о цели должника, если он является аффилированным лицом).

Соответственно, механизм банкротства исходит из презумпции, что в преддверии несостоятельности должник действует недобросовестно, в отличии от подхода ГК, где действует презумпция добросовестности участников оборота (ст.10 ГК РФ). Таким образом, законодательство о банкротстве фактически формирует особый режим оценки поведения участников гражданского оборота, в рамках которого традиционная презумпция добросовестности подвергается существенной модификации. Тем самым, расширяет временные рамки (до 3 лет), облегчает бремя доказывания за счет презумпций и меняет имущественные последствия. Именно это делает институт оспаривания мощным инструментом пополнения конкурсной массы и инструментом высокого риска для кредиторов.

А.Г. Лисников указывает, что презумпция добросовестности участников гражданского оборота (ст.10, п.5 ГК РФ) в делах о несостоятельности сталкивается с необходимостью выявлять реальное намерение должника.

В результате возникает нормативное напряжение между презумпцией добросовестности участников гражданского оборота, закрепленной в ст. 10 ГК РФ, и специальными презумпциями законодательства о банкротстве, исходящими из повышенной вероятности недобросовестного поведения должника. Отсутствие единых методик оценки добросовестности его поведения приводит к тому, что исход дела зависит от субъективного усмотрения суда и активности финансового управляющего.

Гражданское законодательство и нормы законодательства о банкротстве предусматривают широкий перечень оснований оспаривания сделок должника. Сделками, которые могут быть оспорены в процедуре банкротства физического лица являются любые действия должника,

приводящие к изменению (уменьшению) конкурсной массы.

Однако, отчуждение активов должника в пользу аффилированных лиц до возбуждения процедуры банкротства стало одним из основных способов защиты активов от кредиторов и привело к злоупотреблению со стороны лиц, проходящих процедуру банкротства.

Вследствие этого в правоприменительной практике особое значение приобретают общие цивилистические нормы о недействительности сделок (ст. 10 и 168 ГК РФ). Их применение осуществляется в системной связи со специальными основаниями оспаривания, предусмотренными ст. 61.1–61.9 Закона о банкротстве. Данные нормы применяются и как правовое обоснование при квалификации сделки физического лица (в частности ст.61.2 ФЗ №127), так и в рамках исков кредиторов, чьи права были нарушены сделкой должника, выходящих за рамки процессуальных сроков закона о банкротстве, причем частное использование вышеуказанных норм остается за кредиторами, а применение их судом осуществляется в совокупности с нормами ФЗ №127.

Таким образом, практика расширяет возможность противодействия недобросовестному поведению должника. Однако, при применении данных правовых норм, в судебной практике, возникли трудности, как со стороны кредиторов и должников, так и со стороны судов. Постановление Пленума ВАС от 23.12.2010 №63 разъяснило важные моменты, заложившие основу для современной практики оспаривания сделок в банкротстве.

В качестве основного признака недействительности сделок по специальным нормам ФЗ №127 был закреплен критерий причинения вреда имущественным правам кредиторов, выражающийся в несоразмерном выбытии активов либо в оказании необоснованного предпочтении со стороны лица, проходящего процедуру банкротства (п.1 Постановления Пленума ВАС №63). Пленум прямо указал, что сделки, совершенные с целью причинения вреда кредиторам, то есть злоупотребление правом, могут быть оспорены по ст. 168 ГК как противоречащие законодательству, несмотря на истечение специальных сроков, установленные ст. 61.2 и ст. 61.3 ФЗ №127. Разграничилось понятие и сущность подозрительных сделок и сделок с предпочтением. Данные разъяснения дали возможности для кредиторов, пропустивших процессуальные сроки, но позволяющий им подать самостоятельный иск в общем порядке.

Указанная позиция фактически закрепила возможность применения общегражданских механизмов противодействия злоупотреблению правом в рамках процедур банкротства, что существенно расширило инструментарий защиты интересов кредиторов.

Дальнейшие разъяснения, которые касаются общим нормам ГК РФ, сузило их применение в делах о банкротстве (Постановление Пленума ВС от 23.06.2015 №25). К примеру, получил свое подтверждение и развитие принцип презумпции действительности: сделка может быть оспорена строго по основаниям, установленным законом, тем самым, совершение сделки не является доказательством ее неправомерности (п.70 Постановления), тем самым, требуется установление конкретного состава, предусмотренного ст.61.2 или ст.61.3 Закона о банкротстве.

Далее, п. 71 Постановления разъяснил, что бремя доказывания лежит на истце, а также подтвердил приоритет норм закона о банкротстве.

Вместе с тем допускается применение ст. 10 и 168 ГК РФ в случаях, когда при совершении сделки допущено злоупотребление правом, выходящее за пределы гипотезы специальных норм (ст. 61.2 - 61.3 закона о банкротстве).

Отсутствие закрепленной границы между сделками, целью которых служит причинение вреда кредитору и сделками, совершаемые при злоупотреблении правом, привело к невозможности применения общих норм гражданского права, а следовательно, защите таких сделок от оспаривания.

Для решения вышеуказанной проблемы и противоречия представляется целесообразным на уровне Пленума ВС РФ дать исчерпывающие разъяснения о критериях разграничения злоупотребления правом со стороны банкрота (ст.10 ГК РФ) и специальных составов в рамках ФЗ №127, разъяснив, что применение общих норм возможно не только при исчерпывании специальных, но в случаях, когда поведение должника выходит за рамки гипотезы специального закона, но очевидно нарушает коллективные права кредиторов, то есть, применение ст.10 ГК РФ допустить только в случаях, когда сделка совершена за пределами трехлетнего периода подозрительности, но ее условия носят явно умышленный характер, что свидетельствует о реализации другого, более глубокого порока воли, чем тот, который охватывается гипотезой ст.61.2 ФЗ №127.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития правового регулирования института оспаривания сделок должника и формирования единых подходов судебной практики.

Вместе с тем действующее регулирование сохраняет ряд теоретических и практических противоречий, связанных с разграничением оснований недействительности сделок, распределением бремени доказывания и пределами применения общих норм гражданского права.

Достижение целей законодательства о банкротстве сопровождается возникновением ряда правоприменительных проблем.

Специальный механизм существенно отклоняется от общегражданского подхода ГК, вводя иные сроки исковой давности, особые презумпции и ориентируясь на защиту коллективного интереса кредиторов. Ключевыми проблемами правоприменения остаются сложность доказывания недобросовестности поведения и умысла физического лица и коллизии квалификации его действий.

Таким образом, действующее регулирование института оспаривания сделок должника сохраняет ряд концептуальных и практических противоречий. Их преодоление возможно посредством уточнения критериев разграничения общегражданских и специальных оснований недействительности сделок, а также выработки единых подходов судебной практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.10.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 44. – Ст. 4314.

3. Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 29.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

5. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статут, 2018. – 528 с.

6. Телюкина М.В. Оспаривание подозрительных сделок в законодательстве о банкротстве России и Казахстана // Государственное управление и государственная служба. – 2015. – № 3. – С. 158–166.

7. Лисникова А.Г. Проблемы доказывания недобросовестности должника в делах о банкротстве. – 2023. – С. 45–52.

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 8.

10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10.

On the issues of challenging the debtor's (individual's) transactions in the insolvency (bankruptcy) procedure: problems of theory and law enforcement

Filippova A.I., Egorov N.D.

Moscow Order of Honor of the V.Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The article examines the institution of contesting debtor transactions in bankruptcy cases of individuals. Based on the analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", the problems of the correlation of the general civil grounds for the invalidity of transactions and special mechanisms for challenging them provided for by the bankruptcy legislation are considered. Special attention is paid to the issues of qualifying suspicious transactions and preference transactions, as well as the problem of proving the debtor's dishonesty. The contradictions and gaps in law enforcement practice that arise when determining the limits of the application of general norms of civil law in insolvency proceedings are identified. The purpose of the study is to identify theoretical and practical problems of applying the institution of contesting debtor transactions and to formulate proposals for improving law enforcement practice.

Keywords: bankruptcy of individuals, contesting debtor's transactions, invalidity of transactions, abuse of law, bankruptcy estate, judicial practice.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation dated 30.10.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated 26.10.2002 No. 127-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – №. 44. – Art. 4314.
3. Federal Law dated 29.12.2014 No. 476-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of Rehabilitation Procedures Applied to Individual Debtors” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 1 (Part I). – Art. 29.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – №. 25. – Art. 2954.
5. Vitryansky V.V. Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results. – Moscow: Statut, 2018. – 528 p.
6. Telyukina M.V. Contesting Suspicious Transactions in the Bankruptcy Legislation of Russia and Kazakhstan // State Administration and Public Service. – 2015. – №. 3. – P. 158–166.
7. Lisnikova A.G. Problems of Proving Debtor’s Bad Faith in Bankruptcy Cases. – 2023. – P. 45–52.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.12.2010 №. 63 “On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’” // Bulletin of the SAC of the Russian Federation. – 2011. – No. 3.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 №. 25 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I, Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – №. 8.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.07.2013 No. 59 “On Amendments and Additions to the Resolution of the Plenum of the SAC of the Russian Federation dated 23.12.2010 No. 63 ‘On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’” // Bulletin of the SAC of the Russian Federation. – 2013. – №. 10.